

БЕЛЯЕВ М. В. BELYAEV M. V.
Верховный Суд The Supreme Court of the
Республики Татарстан Republic of Tatarstan.
Эл. почта: 2216406@mail.ru E-mail: 2216406@mail.ru

ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Предмет и пределы доказывания фактических обстоятельств, необходимых для принятия решения, существенно различается в зависимости от вида принимаемого решения и этапа, на котором они принимаются. Пределы доказывания при принятии каждого из процессуальных решений обусловлены необходимым для вынесения решения уровне знаний о фактических обстоятельствах дела. Уровень необходимых знаний о фактических обстоятельствах, выступающих основанием для принятия решения, определяет уровень доказанности и уровень обоснованности решения. Полнота доказывания обусловлена объективной семантической связью между результатами доказывания, которые находят свое отражение в описательно-мотивировочной части решения, и прямыми выводами по существу рассматриваемого вопроса в резолютивной части. Выводы должностного лица, принимающего решение, обо всех вопросах, подлежащих разрешению, являются прямо и непосредственно вытекающими из исследования доказательств.

Ключевые слова: процессуальное решение; предмет доказывания; пределы доказывания; фактические обстоятельства; обоснованность решения; основания принятия решения; полнота доказывания.

THE SUBJECT AND LIMITS OF PROOF IN DECISION-MAKING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The subject and limits of proof of the factual circumstances necessary to make a decision vary considerably depending on the type of decision and the stage at which it is made. The limits of proof in each of the procedural decisions are determined by the level of knowledge of the actual circumstances of the case. The level of necessary knowledge about the actual circumstances, serving as the basis for the decision, determines the level of proof and the level of validity of the decision. The completeness of the proof is due to the objective semantic link between the results of the proof, which are reflected in the descriptive and motivational part of the decision, and the direct conclusions on the merits of the issue under consideration in the operative part. The conclusions of the officials who are deciding about all the issues to be addressed are directly and immediately derived from research evidence.

Keywords: *procedural decision; subject of proof; limits of proof; factual circumstances; validity of decision; grounds of decision; completeness of proof.*

Необходимыми предпосылками для принятия любого процессуального решения является познание и оценка фактических обстоятельств дела, выступающих в качестве оснований и условий для вынесения процессуального акта. Фактические обстоятельства, подлежащие установлению при принятии решений, могут быть весьма разнообразными и содержательно различаются в зависимости от того, подлежит ли применению посредством принимаемого решения уголовно-правовая либо уголовно-процессуальная норма. В связи с этим весьма важными представляются вопросы об определении надлежащего предмета и пределов доказывания при принятии каждого из процессуальных решений.

При решении возникающего конфликта практическая задача сводится к тому, чтобы определить, совпадают ли фактические обстоятельства дела с обобщенными признаками, описанными в правовой норме [1, с. 79–80]. Определяя характеристики факта, Л. А. Воскобитова относит к ним «проявленное вовне явление объективной реальности»; конкретность и индивидуальность пространственно-временных и причинно-следственных характеристик; событийность, находящуюся в прошлом, с возможностью сохранения в настоящем отдельных фрагментов факта; сложное содержание (совокупность фактических обстоятельств и множество характеристик); факт может быть объектом познания не в полном объеме, а лишь в части отдельных юридически значимых характеристик; факт с его объективными характеристиками следует отличать от информации о нем как субъективном отражении в сознании познающего субъекта [1, с. 82–83].

Фактические обстоятельства, подлежащие установлению при принятии судебных решений, могут быть весьма разнообразными и содержательно различаются в зависимости от того, подлежит ли применению посредством принимаемого решения уголовно-правовая либо уголовно-процессуальная норма. Как верно пишет Л. А. Воскобитова, при применении норм уголовного права фактическую основу составляют обстоятельства, характеризующие признаки каждого из элементов состава преступления, при применении норм уголовно-процессуального права фактическую основу составляют те обстоятельства, которые указаны в законе как основания и условия для принятия решения [1, с. 83]. В. С. Соркин совершенно обоснованно считает, что факты, подлежащие установлению для принятия решений по процессуально-правовым вопросам, как правило не относятся к прошлому, а существуют в момент принятия решения, что не исключает необходимости их установления в процессуальном порядке [12, с. 444–445].

Одной из серьезных проблем, не всегда очевидных на первый взгляд, но существенным образом влияющих на весь процесс правоприменения, является проблема «размывания» и подмены фактических обстоятельств дела их правовыми моделями. Обозначая все большее значение необходимости четкого разграничения фактов и права в уголовном судопроизводстве, Л. А. Воскобитова

очень точно пишет об особой важности разрешения вопроса о том, что является первичным в правоприменительном процессе – установление всех значимых характеристик реальной жизненной ситуации со всеми индивидуальными особенностями или диспозиция правовой нормы, предрешающая, какие именно фактические обстоятельства должны присутствовать для обеспечения правильного выбора и применения правовой нормы [1, с. 80–81]. Обладая опережающим знанием возможных типовых практических ситуаций, – пишет ученый, – правоприменитель должен воздержаться от соблазна «подогнать» реальные фактические обстоятельства под известную норму, выделив только нужное ему и проигнорировав иные обстоятельства, не вписывающиеся в содержание заранее выбранной им правовой нормы [1, с. 83].

Между тем, на практике нередки случаи, когда, принимая решение, фактически ориентируется на нормативную модель, предусматривающую основания для принятия того или иного решения, нередко игнорируя конкретные фактические обстоятельства дела. В первую очередь это касается промежуточных судебных решений. Например, следователь представил в Нижнекамский городской суд Республики Татарстан ходатайство об избрании в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу. В качестве обстоятельств, подтверждающих необходимость заключения под стражу, были указаны подозрение в совершении тяжкого преступления, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше трех лет, а также то обстоятельство, что ранее он уже привлекался к уголовной ответственности. Никаких иных данных, свидетельствующих о необходимости его заключения под стражу, представлено не было. При таких обстоятельствах суд, не выясняя фактических обстоятельств, подтверждающих необходимость применения к нему этой меры пресечения, предположил, что поскольку преступление, в совершении которого он подозревается, совершено в период не отбытой части наказания по предыдущей судимости, имеются основания полагать, что находясь на свободе, П. может продолжать заниматься преступной деятельностью, либо скрыться от органов предварительного следствия и правосудия, помешав производству по уголовному делу, оказать давление на участников уголовного судопроизводства.² То есть суд на основании факта совершения тяжкого преступления в период не отбытой части наказания пришел к выводу о том, что П. может одновременно продолжать заниматься преступной деятельностью, скрываться от органов предварительного следствия и правосудия, помешать производству по уголовному делу и оказать давление на участников уголовного судопроизводства. Налицо классическая ситуация, когда фактические обстоятельства фактически «подгоняются» под нормативную модель.

Разрешить данную проблему на уровне правового регулирования не представляется возможным. Речь может идти лишь об ответственности и профессио-

² Архив Нижнекамского городского суда Республики Татарстан за 2017 г.

нализме правоприменителей, в данном случае судей, которые должны быть ориентированы на необходимость полного и всестороннего установления фактических обстоятельств, необходимых для принятия каждого процессуального решения. Ситуации, при которых судебные решения (особенно итоговые судебные решения) принимаются при неустановлении всех необходимых для этого обстоятельств дела, недопустимы. Например, суд по уголовному делу в отношении М., обвиняемого по ч. 1 ст. 119 УПК РФ, вынося приговор, не установил, в чем конкретно выразились действия М., и какие именно фразы были истолкованы потерпевшим как угроза убийством³.

П. А. Лупинская подчеркивала, что обоснованность судебного решения напрямую зависит от того, «насколько полно и четко определены в законе те фактические обстоятельства, которые должны быть установлены и насколько объективно, полно и всесторонне эти обстоятельства исследованы» [8, с. 74]. Нельзя также не согласиться с Л. А. Воскобитовой в вопросе о том, что фактические обстоятельства должны быть установлены в объеме, позволяющем определить полную картину произошедшего, чтобы не быть связанным установкой на определение заранее запрограммированного состава преступления [1, с. 85].

Предмет доказывания фактических обстоятельств, необходимых для принятия решения, существенно различается в зависимости от вида принимаемого решения, а также от того, подлежат ли применению нормы уголовного или уголовно-процессуального права. Л. А. Воскобитова отмечает, что применение норм уголовно-процессуального права имеет двухуровневую фактическую основу: фактические основания, предусмотренные законом и фактические обстоятельства реальной жизни по данному делу [1, с. 86]. Следует отметить, что фактические обстоятельства реальной жизни бывают зачастую значительно многообразней фактических обстоятельств, установленных законом. Например, на практике решение о приостановлении производства по делу может приниматься не только в случаях временного тяжкого заболевания подсудимого, но и в других, схожих случаях. Так Ново-Савиновский районный суд города Казани принял решение о приостановлении производства по делу в отношении Л., страдающего наркоманией на период до его выписки (4 апреля 2018 г.) из отделения медико-социальной реабилитации «Большие Ключи» ГАУЗ РНД МЗ РТ⁴. В связи с этим весьма важное значение приобретает правильное определение предмета и пределов доказывания при принятии промежуточных уголовно-процессуальных решений. Закон, как правило, в отличие от предмета доказывания, определенного в ст. 73 УПК РФ, прямо не определяет обстоятельства, подлежащие установлению при принятии этих решений. Для каждого из промежуточных решений предмет доказывания разный. Например, разрешая вопрос о приостановлении производства по делу ввиду болезни подсудимого (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), суд должен установить, что заболевание подсудимого относится к

³ Кассационное определение Челябинского областного суда №22-6527/2008 // Архив Челябинского областного суда за 2008 г.

⁴ Архив Савиновского районного суда города Казани за 2018 г.

категории тяжких, носит временный характер, подтверждено медицинским заключением, возможность участия подсудимого в рассмотрении дела (в том числе посредством видеоконференц-связи) отсутствует. Так, принимая решение о приостановлении производства по уголовному делу в отношении Т., Кировский районный суд г. Казани установил, что Т. По состоянию здоровья не может участвовать в судебном разбирательстве: он нетранспортабелен, самостоятельно передвигаться не может, у него отсутствует стопа левой ноги и ряд других заболеваний. Это было подтверждено выпиской из медицинской карты Т., фотографией ноги с отсутствующей стопой и рапортом судебного пристава⁵.

Н. А. Чертова и И. С. Юринская весьма точно отмечают, что к числу фактических оснований принятия решения относится и определение круга доказательств и оценка доказательств в совокупности [2, с.119]. Например, принимая решение о временном отстранении обвиняемого от должности (ст. 114 УПК РФ) необходимо убедиться в том, что обвинение (подозрение) в совершении вмененного обвиняемому преступления, а также поведение обвиняемого (подозреваемого) дает реальные основания полагать, что, продолжив работу в данной должности, он продолжит заниматься преступной деятельностью, воздействовать на свидетелей и потерпевших, уничтожать доказательства и иным образом препятствовать расследованию. Например, принимая решение о временном отстранении подозреваемой А. от занимаемой должности председателя казенного учреждения «Контрольно-счетная палата Мензелинского муниципального района Республики Татарстан» (А. подозревалась в том, что, являясь председателем контрольно-счетной палаты Мензелинского муниципального района Республики Татарстан и членом участковой избирательной комиссии Мензелинского муниципального района Республики Татарстан (с правом решающего голоса), из корыстных побуждений, путем обмана, используя свое служебное положение, с целью получения имущественной выгоды при получении выплат в виде денежных средств в рамках федеральной целевой программы "Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 год и на периоды до 2020 года", действуя умышленно, заведомо зная о незаконности своих действий, ухудшила свои жилищные условия по месту проживания путем сбора и предоставления в государственные органы заведомо подложных сведений о принадлежащем ей объекте недвижимости, в результате чего незаконно получила денежные средства в 2014 году в размере 500 000 рублей и в 2015 году в размере 515 500 рублей, причинив ущерб бюджету Республики Татарстан на общую сумму 1 015 500 рублей) Мензелинский районный суд установил, что А. осуществляет внешний финансовый контроль, вправе осуществлять контрольные функции над должностными лицами, являющимися свидетелями по данному уголовному делу, и продолжая работу в должности, может оказать давление на свидетелей и иным образом воспрепятствовать осуществлению предварительного следствия⁶.

⁵ Постановление Кировского районного суда г. Казани по делу №1-125/2016 // Архив Кировского районного суда г. Казани за 2016 г.

⁶ Архив Мензелинского районного суда Республики Татарстан за 2018 г.

Л. А. Воскобитова совершенно обоснованно пишет о том, что для каждого уголовно-процессуального решения, в котором применяются нормы уголовно-процессуального права устанавливается свой состав фактических обстоятельств, они могут быть описаны достаточно детально, перечислены кратко, подразумеваться или вытекать из содержания иных процессуальных норм. Применение одних норм может основываться на обстоятельствах, установленных ранее для другой цели и применения иной нормы [1, с. 86-87].

Совокупность доказательств, являющаяся необходимой и достаточной для вынесения решения, может быть определена как пределы доказывания [3, 4, 5, с. 136–140, 6, с. 39–41, 7 с. 35–42]. Как верно писала П. А. Лупинская, в пределы доказывания должны включаться те обстоятельства, которые из всех многогранных и различных обстоятельств, предшествующих, сопутствующих или следовавших за событием преступления, имеют определенное значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а поэтому как бы выделяются из всех обстоятельств исследуемого события [8, с. 81]. Д. В. Зотов полагает, что «пределы доказывания в ряде случаев выступают необходимой предпосылкой формирования достаточности доказательств ... взаимосвязь пределов доказывания и достаточности доказательств служит платформой для оценки обоснованности судебного решения» [3, с. 80]. Вопрос о том, может ли категория «предмет доказывания» иметь количественное измерение относится к числу дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Л. Е. Владимиров, С. В. Познышев и ряд других ученых полагали, что увеличение числа доказательств увеличивает их надежность, а следовательно, и надежность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания [9, с. 34, 10, с. 34, 11, с. 191].

П. А. Лупинская писала, что понятие «количество доказательств» носит весьма условный характер, поскольку информация, используемая в уголовном процессе, не имеет однозначного значения и не может быть выражена в количественных показателях [8, с. 79]. Следует согласиться с позицией Д. В. Зотова, который пишет о том, что необходимые пределы доказывания должны рассматриваться не как количество видов доказательств, к которому следует стремиться, а число источников доказательств, без которых доказывание практически невозможно [3, с. 99].

Пределы доказывания при принятии каждого из процессуальных решений обусловлены необходимым для вынесения решения уровне знаний о фактических обстоятельствах дела. Этот уровень знаний, в свою очередь определяется, исходя из значимости решения его места в системе иных уголовно-процессуальных решений и обусловлен пониманием доказывания «как процесса перехода от вероятного знания к достоверному» [8, с. 107].

Уровень необходимых знаний о фактических обстоятельствах, выступающих основанием для принятия решения, определяет уровень доказанности и уровень обоснованности решения. Правовые требования к доказанности и обоснованности различных решений различаются. Различной может быть и полнота собранных доказательств, подтверждающих эти обстоятельства. Основанием для

принятия решений служат различные фактические обстоятельства: часть из них находится в прошлом, часть в настоящем, а ряд - может наступить в будущем.

Полнота доказывания тесно связано с понятием обоснованности и обусловлена объективной семантической связью между результатами доказывания, которые находят свое отражение в описательно-мотивировочной части решения, и прямыми выводами по существу рассматриваемого вопроса в резолютивной части. Выводы должностного лица, принимающего решение, обо всех вопросах, подлежащих разрешению, являются прямо и непосредственно вытекающими из исследования доказательств.

Степень доказанности процессуального решения фактически означает его обоснованность и имеет качественные и количественные характеристики. Качественные характеристики детерминированы предметом и пределами доказывания (определением круга фактических обстоятельств, подлежащих установлению, и необходимых для принятия соответствующего решения). Чем больше обстоятельств необходимо установить для принятия того или иного процессуального решения – тем выше степень его обоснованности с качественной точки зрения. Количественный аспект зависит от количества источников и степени достаточности совокупности доказательств, позволяющих принять то или иное решение. Наибольшей степенью доказанности обладают итоговые судебные решения, разрешающие уголовное дело по существу, степень доказанности промежуточных судебных решений несколько ниже, чем у итоговых.

Таким образом, пределы доказывания при принятии процессуальных решений определяется необходимой и достаточной совокупностью доказательств, позволяющих его вынести. Пределы доказывания при принятии каждого из процессуальных решений обусловлены необходимым для вынесения решения уровне знаний о фактических обстоятельствах дела и зависят от вида и характера принимаемого решения. Уровень необходимых знаний о фактических обстоятельствах, выступающих основанием для принятия решения, определяет уровень доказанности и уровень обоснованности принимаемого решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Л. Н. Масленникова. Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве. М: Норма: Инфра-М. 2017. 384 с.;
2. Чертова Н. А. Юринская И. С. Механизм принятия судебного решения: теоретические аспекты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 118-125;
3. Зотов Д. В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Воронеж : Издательский дом ВГУ. 2017. С. 220.
4. Бойченко О. И. Пределы доказывания по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017, с. 28;
5. Костенко Р. В. Понятие и значение пределов доказывания в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2017 №2 (60). С. 136-140;

6. Боруленков Ю. П. Понятие «пределы доказывания» должно соответствовать концепции состязательного уголовного судопроизводства // Вестник Академии Следственного Комитета РФ. 2014. №1. С. 39-41;
7. Азаров В. А. Пелих И. А. Взаимосвязь объективной истины и пределов доказывания по уголовному делу // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. №2. С. 35-42;
8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 169 с.
9. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
10. Познышев С. В. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929. 190 с.;
11. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Под ред. Н. В. Жогина. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
12. Соркин В. С. Принятие решений в процессе доказывания по уголовному делу (уголовно-процессуальные аспекты и оперативно-розыскная деятельность) // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе: социальные технологии и правовые институты. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессор П. А. Лупинской . М., 2016. С. 444-447.